

7.3.
ГАЗЕТА ВЫХОДИТ С 1930 г.

Retail: Austria — 45,00 OS; Czech Republic — 95,00 CSK; Germany — 5,0 DM;
Israel (Tel-Aviv — 2,60 NIS, Eilat — 2,20 NIS); Holland — 7,25 HFL

Адрес «МН» в Internet: <http://www.moscownews.ru>

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ

ISSN 0256-551X

Распространяется в 54 странах
Печатается в Австралии, США,
Германии и Израиле

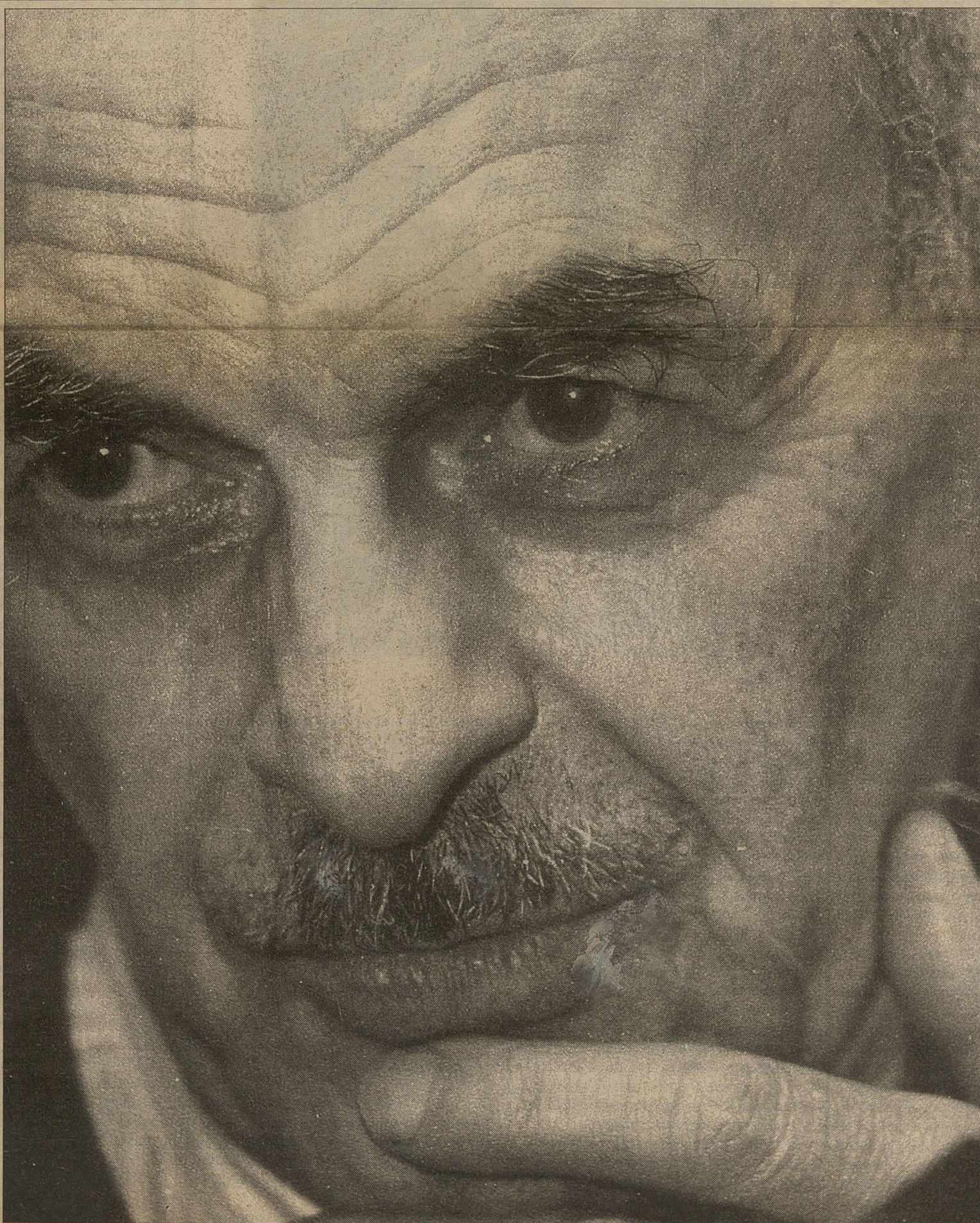
№ 24 (890) 15 — 22 июня 1997 г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Цена свободная

Взяться за руки не я ли призывал вас, господа?

Булат ОКУДЖАВА. Из книги «Посвящение вам»

Страницы
2, 27, 28
посвящены
памяти поэта

Окуджаву Булат Шекворозов

15-22.06.97

143

Наш корреспондент Алла ШЕВЕЛКИНА
передает из Парижа

В пятницу во французской газете «Фигаро» в рубрике «Коротко» появилось сообщение о том, что накануне в госпитале Перси в парижском пригороде Клармар скончался Булат Окуджава. А в субботу в три часа дня в соборе св. Александра Невского на улице Дарю прошла церемония отпевания.

Столько народу здесь собиралось лишь однажды, когда умер Андрей Тарковский.

На этот раз пришли практически все русские, живущие в Париже. Старые, молодые, уехавшие сорок, двадцать или пять лет назад, писатели, артисты, художники и журналисты, оказавшиеся в Париже. Российский посол Юрий Рыжов и представитель России в ЮНЕСКО Михаил Федотов встречали входящих в храм. Писатели Аркадий Ваксберг, Александр Гинзбург, Анатолий Гладилин, актер Михаил Глузский, издатель русской литературы во Франции Люся Катала... И очень много детей.

На церемонии отпевания тела не было — так распорядились родственники, — и пришедшие с цветами не знали, куда их положить. Люди медленно входили в храм, где уже практически не было места. Каждому давали свечу. И при свете этих сотен зажженных свечей началась служба «за упокой». Было совершенно очевидно, что отпевали близкого, родного человека для всех этих разных, не близко знакомых друг с другом людей. Под церковным сводом через узкие окна пробивались лучи солнца. Слышны были только слова молитвы...

Когда служба закончилась, никто не торопился уходить. Все стояли во дворе, как будто чего-то ждали. Одна пожилая дама с сильным иностранным акцентом стала говорить своей собеседнице о том, «как хорошо, что Окуджава умер в Париже, в городе, где его все любили, а не там, в России, где его всю жизнь мучили и травили». Слова эти показались настолько неуместными и бестактными, что они повисли в воздухе.

Стоя среди берез, посаженных в центре Парижа во дворе русской церкви, все чувствовали себя осиротевшими. Хотелось подольше побыть вместе, а не нырять в суету большого города, которому не было никакого дела до кончины русского поэта.

Господи, прими Булата

Завершилась жизнь Булата Окуджавы. Всей стране больно, ему, надеюсь, уже нет. У Набокова встречается фраза: «Жизнь — это записка, нацарапанная во мраке». Иными словами — неразборчиво. В большинстве случаев это, очевидно, близко к истине, но есть все-таки исключительное меньшинство, чьи царапины из мрака сияют вечным огнем. К этому числу относится Булат, потому что несколько десятилетий одного века из истории человечества его присутствие смягчало климат свирепо холодной страны, странной печалью напоминало необузданным мужикам с их водками и драчками о чем-то ангельском, безукоризненным джентльменством ободряло усталых женщин.

Никакими модами, течениями и направлениями не объяснить и не опровергнуть его дара. В девяностые годы кучка новых бездарей взялась его грызть якобы как воплощение ненавистного «шестидесятничества», на самом деле они имели в виду его уровень, на который им никогда не вскарабкаться, какими бы липкими ни были руки. Его песни с их уникальной мелодичностью и ритмами, отмечающими перепады послесталинской поэтической походки, действительно были поэтичными той далекой молодости. Мы тогда любили говорить друг другу «ты гений, старик», но в отношении Булата каждый понимал, что это не просто фигура речи. И мы

называли его запросто — другом, Булатиком.

Сейчас, когда я это пишу, его тело, очевидно, после отпевания на рю Дарю лежит в морге в ожидании самолета на Москву. Пальцы уже не потянутся к гитаре, вообще не пошевелятся, во всяком случае до Второго Пришествия. Кажется, Гете сказал перед смертью, что отправляется в зону великих трансформаций. Впрочем, и жизнь в нашем животворном и тлетворном воздухе — это часть непостижимых трансформаций. Неподвижный Булат для всех нас, пока живых, непостижим.

12 июня началось для меня с песни «Исторический роман» в утренней программе ОРТ. Видеозапись, сделанная, по всей вероятности, лет семь назад, демонстрировала Булата в хорошей физической форме, с прекрасным чувством певшего столь близкие слова: «В склянке темного стекла / Из-под импортного пива / Роза красная цвела / Гордо и неторопливо». Я растрогался — утром, не проспавшись, увидеть и услышать Булата с этой песней! — и тем более еще потому, что песня была им сочинена и посвящена мне после прочтения тогда тайного «Ожога». Вечером в свод-

и побед — поражено сомнительными выступлениями гостей, московских писателей. Провокационные выкрики о Чехословакии. Булат спокойно заявляет: «Ввод войск был непростительной ошибкой!»

9 мая 1969-го. Мы стоим на террасе ялтинского дома творчества. Булат щурится на солнце: «Сегодня мне сорок пять лет. Не могу себе этого представить!» Появляется Белла и говорит, что, по достоверным сведениям, предыдущее поколение писателей закопало в саду несколько бутылок шампанского. Все отправляется на поиски и, конечно, находят немало. Ночью на той же террасе виновник торжества впервые поет «Моцарта».

1989 год, какой-то месяц. Булат поет в готической библиотеке Смитсониевского института в Вашингтоне. Как и раньше — одна нога упирается в стул, гитара на колене. «А молодой гусар, в Наталию влюбленный, / Он все стоит перед ней коленоупреклонный». Не виделись 9 лет. А ты, Булат, стал лучше петь с годами. Да, Вася, знаешь, со старостью прибавляю в вокале.

И так вот всегда, как у нас положено, с легкой усмешкой, никогда до конца не всерьез,

ке Митковой прозвучало сообщение о том, что Булат умирает в Париже.

Беспомощно вожусь в куче воспоминаний, пытаюсь разделить их хронологически и по значительности. Первое еще с грехом пополам получается, второе, перекрученное острой горем, — в полной неразберихе. Вспоминаю момент, когда я первый раз увидел Булата в его излюбленной позе: одна нога на стуле, гитара на колене. 1960-й, скопище друзей на чьей-то кухне, среди них Гладилин с единственным в нашей компании портативным французским магнитофоном.

1961-й, огромная безобразная гостиница в Питере. Налетаю на Булата с невестой Олей Арцимович. В ресторане он говорит мне почему-то шепотом: «Ты представляешь, она физик!» Я, как всегда, надираюсь, и мы отправляемся в номер, где ждет компания молодых друзей. Он там поет: «Жить не вечное молодым / Скоро срок догонит / Неразменным золотым / Покачусь с ладони».

Осень 1968-го, Ростов-на-Дону. Мы с ним вдвоем — «спиной к спине у мачты» — во дворе спорта перед многочисленной враждебной массой ленинского комсомола. Праздничное сборище — пятидесятилетие борьбы

как будто все мы персонажи не жизни, а анекдота, а основной смысл всегда в скобках, и там уже не процарапаешь ничего, ни в потмах, ни при свете дня. Но наступает день, когда скобки раскрываются.

Господи, просвети, где разместимся с друзьями в сонме далеких душ? Все эти комбинации, именуемые поколениями, правда ли, не случайность? Господи милостивый, единый в трех образах Отца, Сына и Святого Духа, вспомни о малых своих посреди материализма! Не дай предстать, Милосерд, перед твоим отсутствием! Господи, прими Булата.

Василий АКСЕНОВ

Праведник

Еще не зная автора, я был очарован его песнями, которые впервые услышал в начале шестидесятых. Они учили нас видеть прекрасное в том унылом мире, в котором мы жили, давали почувствовать внутреннюю свободу.

А через несколько лет мы познакомились.

Окуджава был членом комиссии по помилованию, куда пригласили и меня. Конечно, я боялся: а вдруг тот образ поэта, который у меня сложился, не совпадет с реальностью? Этого, слава Богу, не случилось. Булат Шалвович оказался не только умным и совестливым, но и милым, очаровательным, остроумным человеком, замечательным рассказчиком. Я с ним немало попутешествовал — знаю.

Человек уходит из жизни — это неизбежно. Но как достойно ушел Окуджава! Многие из тех, с кем он начинал в демократическом движении, подрастеряли свои убеждения. Окуджава до конца своих дней оставался тем, кем был всегда, — поддерживал добрые начинания, защищал обиженных, не отступал от своих принципов.

Один умный человек заметил: есть немало заметных, даже выдающихся людей, рядом с которыми ты чувствуешь себя ничтожеством. Меньше таких, с кем ты сам становишься лучше, выше, добрее.

Булат Шалвович относился к меньшинству...

Когда пришло печальное известие, мне позвонили и сказали, что отпевать Окуджаву предполагается в нашем храме. При этом мне задали вопрос: «А сколько будет стоить?» Естественно, я ответил: «Нисколько. Для нас это — большая честь!»

Можно ли отпевать некрещеного? Я знаю, что в церкви отпевали и Брежнева, и Андропова, и Устинова. На этом фоне отпевание такого праведника, каким был Окуджава, не может вызывать никаких сомнений. К тому же своими корнями он принадлежит к двум древним христианским народам — грузинскому и армянскому.

о. Александр БОРИСОВ,
настоятель храма
Космы и Дамиана в Шубине.
Москва

Он пел о том, о чем должен думать каждый

Наступит время, и все, для кого литература — страсть, увлечение, наука, будут читать, петь, изучать все огромное богатство, что оставил нам Булат Окуджава. Не будет только самого Булата Окуджавы. А это была великая личность, одно из тех редких созданий, перед которыми ничтожными выглядят так называемые великие политики и великие полководцы. Швейцер, Корчак, Сахаров... Булат возмутился бы, услышав ряд, куда мы его поставили, но это действительно было так. Он говорил только то, что думал, правда никогда не смешивалась у него с ложью. В этом небольшом, тщедушном человеке таилась огромная энергия, заполнявшая любое пространство, где он находился. В его присутствии невозможно было соврать, сфальшивить, притвориться.

Пять лет я имел счастье работать с ним в комиссии по помилованию, и он старался не пропускать ни одного из этих душевно тяжелых заседаний. Да ведь это и было его делом, его сущностью: милосердие, жалость, сострадание. Такой была и его поэзия. На нашей памяти она ворвалась в нечистый хаос шлягеров, фанфар, пошлости — чистой, прозрачной струей. И навсегда обогатила нас простыми человеческими словами, музыкой и тем невообразимым тоном, от которого — при одном воспоминании — ком становится в горле. Он пел и писал о себе и о всех нас: наших бедах, наших радостях, о том, о чем должен думать каждый...

Не знаю человека, который бы не любил Булата или относился к нему равнодушно. Если попробовать назвать только одно слово, с каким мы все к нему относились, то на ум приходит только одно — нежность...

Лев РАЗГОН

Продолжение на стр. 27-28

Мой Окуджава монологи

Дмитрий СУХАРЕВ,
бард

Я из тех, чья жизнь связана с авторской песней. Для незнающих скажу, что авторская песня – это не только особый способ существования русского стиха, но и способ существования вообще. Мы семья. Полагаю, что у всех наших ощущение сейчас такое же, как у меня: умер старший брат.

Вряд ли нужно объяснять, что такое старший брат, когда он умный, добрый, светлый, красивый, любимый. Мы потеряли старшего брата, страна – короля.

Так уж получилось, что наше официально зарегистрированное государство, при всех переименованиях, перестройках и эволюциях, всегда неизменно отличалось (а) презрением к своим подданным и (б) свинством своих тузов. Наверно, поэтому параллельно мы завели себе очень хорошую конституционную монархию и постановили, что королем в ней автоматически становится тот, кто (а) умеет нас любить и (б) дает нам пример благородного, то есть нормального, поведения.

Конституция королевства незаметно сложилась из песен Булата, так же без лишней шумихи прошла процедура облечения саном. Уже много лет, как Булат мог не вытаскивать гитару, его и в хлебной лавке сразу признавали за монарха по голосу, манерам, одежде.

Он не был ни клокочущим трибуном, ни накачанным лидером, ни бородатым проповедником; он даже не был законодателем моды. Законодателем нормы – вот кем был Булат Окуджава. А теперь его не стало.

*Но куда бы мы ни шли,
пусть какая ни забота
(по делам или так, погулять),
все нам чудится, что вот
за ближайшим поворотом
повстречаем Булата опять.*

*Потому что день за днем,
хоть не слишком надёжно,
все же вертится наша земля.
Потому что, виноват,
но ей вертеться невозможно
без такого, как он, короля.*

Владимир СПИВАКОВ,
музыкант

Булат Окуджава умер в военном госпитале под Парижем. Умер мучительно и тихо, конец его был, как его стихи, как его судьба, щемящий, бесшумный, но оглушительный, словно в стороне и в то же время в самом эпицентре. Он умирал в те дни, когда погода в Париже, словно не желая смириться с необратимостью его ухода, сметала то и дело удушающую жару грозным ливнем. И плакали все, кто знал, что он уходит, что все кончено, легкие и почки отказали, он спит, подключенный к искусственным приборам, и врачи говорят, что осталось несколько часов...

Лежа в госпитале, он говорил: «Был бы я сейчас в московской больнице, меня бы вывели...» Может, и так. Обычный больной в обычном госпитале... Наша последняя встреча, в канун Нового года, после моего концерта в Консерватории, как вспышка в памяти, которая никогда уже не угаснет: он – в толпе, я к нему кинулся, мы обнялись, крепко, быстро, в последний раз, если бы знать, что в последний... Наверное, в беспмятстве ему виделись те знаменитые его «кредиторы», окружившие изголовье, «молчаливые Вера, Надежда, Любовь...»

P.S. Я пишу эти строки в Бразилии. Сегодня во время концерта «Виртуозов Москвы» в память великого поэта России будет звучать Моцарт.

Владимир КОРНИЛОВ,
поэт

Я люблю поэта и прозаика Булата Окуджаву, но сегодня хочу сказать лишь о чуде

Окуджава в «Московских новостях»

Булат Шалвович был нашим автором и членом совета учредителей газеты. Здесь собраны лишь некоторые мысли, которыми он делился с читателями «МН».

Были ли палачи среди евреев? Были. А разве их не было среди грузин, татар или украинцев? Я уж не говорю о русских. Не русские ли солдаты расстреляли своих собратьев на Дворцовой площади? На Ленских приисках? Не русские ли молодчики выкинули из страны А. Солженицына? Не они ли загнали в Горький Сахарова? Но разве они определяют лицо нации? Нет, не этим следует руководствоваться для спасения России.

Да, я не русский, но я прекрасно осознаю, что нужно спасти попавшую в беду культуру России, ее историю, ее вечную необоримую душу...

(№ 41, 1989)

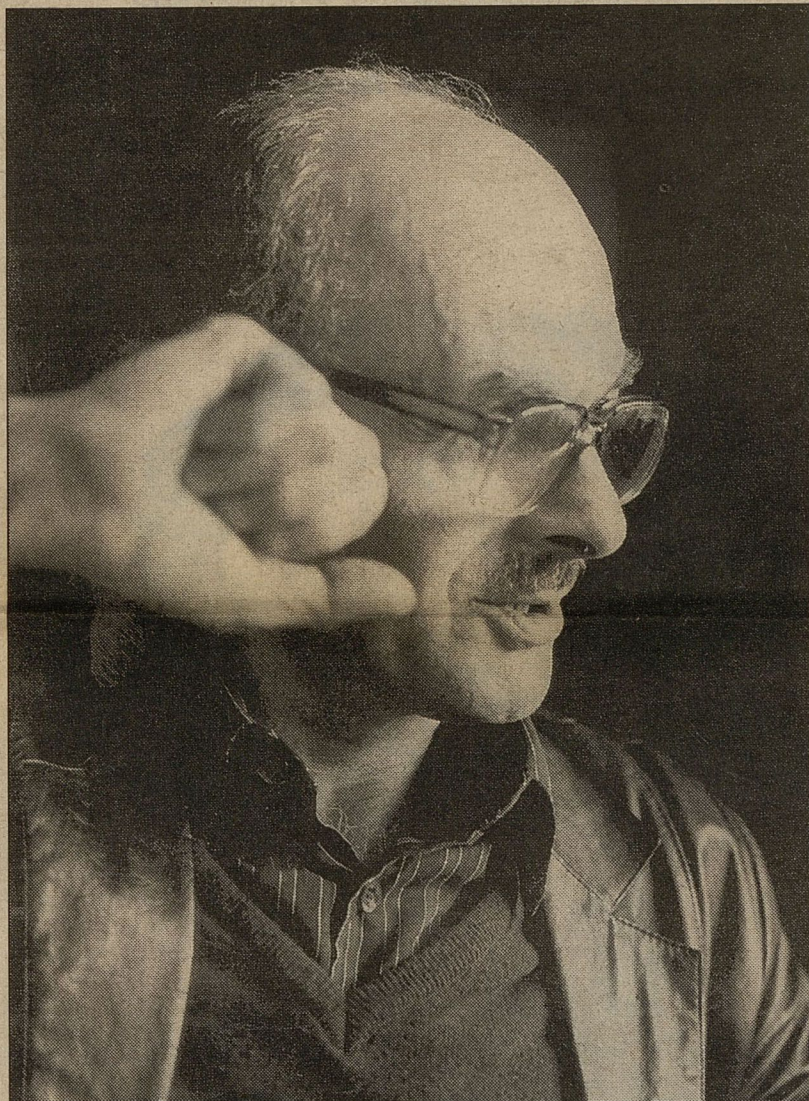
мени, усилил, и я не исключая трагедий. Трагедия не обязательно гражданская война. Мы и без войны живем в трагической ситуации. Конечно, более всего мне претят антидемократические тенденции. А теперь хотят обрубить даже те маленькие ее ростки, которые начали пробиваться. И это тоже от дикости. Как и разговоры о том, что до семнадцатого года Россия была благословенной страной, а потом пришли большевики и все испортили. Очень наивно, если не хуже, утверждать так. Россия идеальной не была никогда.

(№ 35, 1993)

В 17 лет я попал на фронт. Я был романтиком, в духе времени. Я намеревался поединковствовать с фашистскими захватчиками. Единборство представлялось возвышенным, вдохновенным и крайне справедливым.

Через пару-тройку недель фронтовой жизни романтизм померк и растворился. Война обрушилась грязью, кровью, унижением человеческого достоинства, утратами.

... Мы победили. Мы и должны были побе-

Да, нас приучили к мысли, что мы великая держава, что мы существуем на радость и благо всем и поэтому в нашей крови бурлит огонь мессианства. И каждый из нас в эти тягостные дни ощущает себя мессией, только он один видит неправоту других и кричит истинно: «В отставку!»

...Но беда наша в том-то и заключается, что все мы одно общество, со слабо развитым умением самостоятельно мыслить и с завидной способностью подчиняться, не умеющие рисковать и брать на себя ответственность.

(№ 7, 1992)

Вырождение длилось годы и в конце концов наступило. Общество деградировало! И чтобы привести его в чувство, понадобится много вре-

дуть, ибо иноземное кровавое нашествие – зло в любом виде, в любой стране, в любое время года. Мы победили, но режим остался неизменным, а КПСС так до сих пор и не осудили.

Единственное, что осталось, – осознание тяжелого долга, необходимость защищать свою страну от нашествия.

Мы победили, нас всегда со сладострастием воспитывали на победах, стыдливо умалчивая о поражениях, стараясь использовать любой предлог, чтобы мы не забывали, что мы всегда победители. Это стало нашей психологией, и потому, наверное, стерев в пыль свой российский город Грозный, поторопились водрузить российский флаг в честь очередной победы.

Мы победили, но оказались побежденными...
(№ 22, 1995)

его песен. Они – целая эпоха и, может быть, лучшее из того, что создано российским искусством в 60 – 70-х годах. Булат, видимо, глубже, чем кто бы то ни было, выразил душу человека, пробудившегося от спячки тоталитаризма. Он, не учительствуя, учил, как сопротивляться злу и пошлости мира.

А удалось это Булату потому, что он лирик в самом высоком смысле этого слова, то есть человек, который берет на себя ответственность за свое время, пропускает его через себя и говорит о нем своим голосом, не прибегая ни к подставным персонажам, ни к маскам. В песнях Булата человек – всегда личность и при всей своей слабости и незащищенности не дает себя сломить.

Многие его песни живут 40 лет, и, я надеюсь, их ждет бессмертие. Россия может ими гордиться: ведь они немного из того великого, что ей не стыдно предъявить следующему веку.

Марлен ХУЦИЕВ,
кинорежиссер

Я не могу никак осознать случившееся. Трудно в это поверить – меня наполняет страшное чувство опустелости. Я не могу себе представить, что мне нужно говорить о Булате как об ушедшем. Говорить вместо того, чтобы встретиться с ним или услышать его голос по телефону.

Я благодарен судьбе, что она когда-то нас познакомила и мы были друзьями, хотя и не очень часто виделись. Горжусь тем, что он снялся у меня в картине – впервые попал на пленку. Мы все понимаем его значение, и со временем необходимость и масштаб его будут осознаны еще более. Хотя, естественно, поэзия его останется и, я думаю, что через какое-то время мы осознаем его масштаб и значение, которые сейчас ощущаем.

Я уверен, что Окуджава давно принадлежит большой русской поэзии, занимая в ней свое особое место. Я понимаю, что поэзия наша богата, но его место не заполнить никем. Не хочу верить и эти слова с трудом произношу.

Виктор ЧЕРНОМЫРДИН,
премьер-министр России

Наш общий долг – сохранить в сердцах нынешнего и будущего поколений россиян память о благородном, совестливом гражданине, выдающемся барде, поэте и писателе, так много сделавшем для своей Родины.

Елена РЖЕВСКАЯ,
писатель

Не стало Булата. Это больше, чем боль утраты, – обрыв. Огромная эпоха прошла, неразрывно с ним, его песнями, его гитарой связанная. Он говорил с нами на языке сердца, и как отрадно было его видеть, слушать. Его неповторимая интонация, щемящий, просветляющий душу лиризм, целомудрие, которое при всех ветрах отстаивало жизнь и достоинство человека. Во все годы его старые песни не теряли обаяния.

Всегда и во всем он был естествен – тоже Божий дар. За него он расплавился. Его воля к свободе не была ни натужной, ни бойцовой, была естественной, изменить ей он и не мог. После его выступлений в стране или за рубежом на него «катили телегу»: прорабатывали, травили, ущемляли. А он без жеста и декларации, с природным изяществом оставался все тем же. В сегодняшнем, утратившем ориентиры обществе Окуджава – камертон духа, человечности, благородства.

При какофонии разоблачений и заодно вытаптывании того, к чему без боли даже нельзя прикоснуться, в людях скудеют любовь, нежность, тепло, достоинство жизни. Ими был проникнут уникальный дар Окуджавы, его личность. Горько и плохо будет нам без Булата.

Звонок из Парижа

Анатолий ГЛАДИЛИН:

– Одна из последних – если не последняя – просьба Булата (мы еще надеялись): «Принеси, Толя, свежий номер «Московских новостей».

Юлий КИМ,
бард, поэт

О нашем времени, нашем поколении, нашей стране пели два человека – Окуджава и Высоцкий: по их песням можно узнать, как мы жили в 60–80-е годы, их песни будут рассказывать о нас и дальше.

В последние годы мы потеряли много ярких людей – Владимира Высоцкого, Давида Самойлова, Иосифа Бродского, Натана Эйдельмана. Думаю, и это не только мое ощущение, что с уходом великого барда мы лишились отца. Слово «патриарх» не для него. Это что-то бесконечно родное, которое выражается понятием «отец».

Мы не были очень близки, но Булату (я всегда обращался к нему по имени-отчеству, но если говорю о нем в третьем лице, мне почему-то хочется называть его «Булат») я обязан многим. Например, он отменил мой псевдоним. 16 лет, по не зависящим от меня обстоятельствам, я подписывался «Ю. Михайлов». В апреле 1985 года в своей статье в «Литературной газете» Булат снял мой псевдоним, и я вздохнул свободно. Он благословил мою первую поездку за рубеж, мою первую книжку, вышедшую в Дании. Если говорить о каких-то лирических просветах в моих иронических песнях, ими я тоже обязан лирике Булата.

Олег ТАБАКОВ,
актер и режиссер

Когда в конце 50-х мы услышали песни Окуджавы, сразу стало ясно: он – другой. Я всегда понимал, что граждански мы сильны, мы знали, по какую сторону баррикад находимся. А вот художественно – не очень. В Булате гармонично сочеталось и то, и другое. Он имел право говорить, как говорил, потому что все оплатил сполна: воевал, родители сгинули в лагерях. Он поразительно «вовремя созрел», если воспользоваться словами нашего курчавого гения. И потому сразу и навсегда буквально ошеломил всех своим талантом. «Возьмемся за руки, друзья» – стало гимном, расхожей строкой. Но мой гимн иной: «Пока земля еще вертится...» Булат потому и был всегда впереди своего времени, что обращался к Господу и молил за всех.

Исаак ШВАРЦ,
композитор

Знакомство с песнями Окуджавы, а потом и с самим Булатом в моей жизни стало судьбоносным. Оно перешло в большую бескорыстную дружбу, а с моей стороны – в братскую любовь. Я горжусь тем, что мои чувства Булат, наверное, в какой-то мере разделял. На конверте нашей первой общей пластинки он написал: «Нас свели в свое время не производственные отношения, а сердечная приязнь».

С тех пор как больше 30 лет назад я написал первую свою песню на стихи Булата Окуджавы «Капли датского короля» (к фильму «Женя, Женечка и Катюша»), все или почти все мои 25 с лишним песен и романсов были созданы на стихи моего любимого поэта и незабвенного друга моего. Я счастлив, что некоторые из них пришлось по душе людям, конечно же, во многом потому, что в основе их были стихи Булата: его прекрасная и благородная душа всегда в них звучала.

Его уход для меня ужасная, невосполнимая потеря. Позволю себе сказать: 40 лет дружбы дают основание утверждать, что мы с ним были одной группы крови, наши взгляды на жизнь, литературу и искусство удивительно совпадали, да и в судьбах наших было много общего – та же печальная юность детей достопамятного 1937 года.

Несколько лет назад Булат написал стихи «Любовь и разлука», к которым я сочинил музыку. Там есть такие строки: «Чем дольше живем мы, тем годы короче, тем слаще друзей голоса, ах, только б не смолкнул тугой колокольчик, в глаза бы глядели глаза». И вот пронзительно грустный серебристый

Взяться за руки не я ли призывал вас, господи!

Отчего же вы не вслушались в слова мои, когда

кто-то властный наши души друг от друга уводил?..

Чем же я вам не потрафил? Чем я вам не угодил?

Ваши взоры, словно пушки, на меня наведены,

словно я вам что-то должен... Мы друг другу не должны.

Что мы есть! Всего лишь крохи в мутном море бытия.

Все, что рядом, тем дороже, чем короче жизнь моя.

Не сужу о вас с пристрастием, не рыдаю, не ору,

со спокойным вдохновением в руки тросточку беру

и на гордых тонких ножках семеню в святую даль.

Видно, все должно распасться. Распадайся же... А жаль.

Из книги

«Посвящается вам»

*„Где-нибудь, на остановке конечной,
скажешь спасибо и этой судьбе,
но из грехов нашей родины великой
не сотворишь ты кумира себе...“*

*Б. Окуджава
12 апреля 1985 г.*

звук этого колокольчика смолк. Смолк навсегда. Но душа моего друга живет в его прекрасных песнях, таких простых и таких сложных, и будет жить для всех, кому он обращал слова любви и утешения.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ,
писатель

С его смертью между нами и бесчестьем не осталось никого – теперь каждый думает сам.

Эдуард ШЕВАРДНАДЗЕ,
президент Республики Грузия

Незабвенного Булата Шалвовича оплакивает земля, в которой проросла его «виноградная косточка» – начало прекрасной изобильной лозы его творчества. Негромкий голос Окуджавы, в иные времена звучавший подобно набату, слышали и в Грузии, в городе его детства и юности – Тбилиси, радостно различая в словах поэта отзвуки родства. С кончиной Булата Шалвовича они не исчезнут.

Юрий РЫЖОВ,
академик, посол РФ во Франции

Я тоже арбатский – наши дворы метров триста друг от друга. Окуджава для меня – это все, что хватало за душу в песнях, в стихах, но еще и общее ощущение муравья в огромном городе и победа над этим ощущением: а может, ты еще что-то значишь? Мой Окуджава – это и мой Арбат, текущий как река...

Аскар АКАЕВ,
президент Кыргызстана

Горькая весть пришла в Кыргызстан. Окуджава не был политическим трибуном, не именовав себя диссидентом, борцом за права человека, но самой жизнью и творчеством непрестанно подтверждал, что «поэт в России больше, чем поэт». Силой ниспосланного ему Божественного Дара он проживал историю страны в сердце своем, преломлял ее в своих песнях и прозе, публицистических статьях и концертных выступлениях, философски-мудро и мужественно-иронически преодолевая удары судьбы.

Булат Шалвович всегда оставался живым символом духовной общности, наднационального объединения всех тех, кому дороги непреходящие человеческие ценности – добро, справедливость, совесть, честь, а главное – любовь, которую полвека воспевал этот рыцарь с пером и гитарой.

Все поклонники таланта этого человека в Кыргызстане глубоко скорбят и оплакивают аксакала духовности, неповторимого акына авторской песни, мэтра русской словесности, великого интеллигента, дорогого всем нам и незабвенного Булата Шалвовича Окуджаву.

С почтением и скорбью.

Адам МИХНИК,
публицист, Польша

Булат Окуджава был для людей моего поколения не только великолепным писателем и благородным другом Польши, но всегда являлся для нас символом другой России – России людей отважных и ответственных, людей порядочных и искренних, России, которую мы все любим и сегодня.

Много лет его стихи, песни, книги позволяли нам сохранить надежду, веру и смысл порядочности в грустные времена. Я бы хотел передать его самым близким, Ольге и сыну, что до конца моей жизни не забуду наших встреч в Варшаве, Москве, Нью-Йорке... Память этих встреч останется жизненной установкой: словно каждый последующий день Булат будет видеть то, что я делаю.